011989

8

6

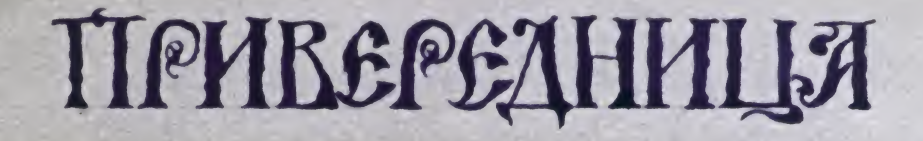
ТУ–19–241–82

8

4

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—769

Привередница

русская народная сказка
в пересказе В. Даля

Художник
Н. Большакова

Жили-были муж да жена. Детей у них было двое — дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Отец и мать в детях души не чаяли, совсем их избаловали.

Малашечка исприведредничалась так, что другой такой не то что на селе, а и в городе не было! На ржаной хлеб и смотреть не хотела: ты подай ей пшеничного, сдобненького.

Вот раз понадобилось отцу с матерью в город ехать, и стали они Малашечку ублажать, чтобы за братом смотрела, из избы его не пускала. Пряников обещали привезти, платочек да сарафан с дутыми пуговками.

Пришли за Малашечкой подружки, поманили в коршуны поиграть, посадила она братца на травку да и заигралась...

Глядь, а брата и нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка примята. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата искать.

Бежала, бежала, набежала в поле на печь: «Не видела ли ты моего Ивашечку?» А печка ей говорит: «Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба — так скажу».

«Стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу», — ответила Малашечка и побежала дальше.

Бежала, бежала, увидела дикую яблоню и спрашивает кудрявую: «Не видела ли, куда братец Ивашечка делся?»

А яблоня в ответ: «Девочка-привередница, поешь моего кислого яблочка — может, тогда и скажу!» — «Стану я кислицу есть! У нас садовых много, и то ем по выбору!»

Побежала Малаша дальше и набежала на молочную реку, на кисельные берега. «Речка-река! Не видела ли ты братца Ивашечку?»

А речка ей в ответ: «Девочка-привередница, поешь моего киселя с молочком, тогда дам весточку о брате».— «Стану я есть твой кисель с молоком! Мне и сливочки не в диво!» 12

Долго бежала Малашечка. Наткнулась на ежа и говорит: «Ёжик, ёжик, не видел ли ты моего братца?» — «Видел я стаю серых гусей, пронесли они на себе малого ребёнка в красной рубашечке».

«Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! Ёжик, голубчик, скажи мне, куда гуси полетели?»

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга-Баба, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и, что она им прикажет, то гуси и делают.

Упросила Малашечка ёжика игольчатого довести её сквозь тёмную чащу до избушки на курьих ножках.

Привёл ёжик её к старой избушке. Малашечка заглянула в отворённую дверь и видит:

в углу на лавке Баба-Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да и вон из избы! А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул,

поднял всё стадо гусиное, а сам полетел Бабе-Яге докладывать.

А Баба-Яга Костяная нога так спит, что с неё пар валит. Уж гусь ей в ухо кричит—не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос.

Вскочила Баба-Яга, схватилась за нос, а серый гусь докладывает: «Баба-Яга Костяная нога! У нас неладно... Ивашечку Малашечка домой несёт!»

Тут Баба-Яга как расходилась: «Ах вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Подайте мне брата с сестрой!»

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкою перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам.

Низенько речке поклонилась и говорит: «Матушка река! Скрой, схорони меня от диких гусей!» А река ей в ответ: «Поешь наперёд моего киселя с молоком».

Усталая Малашечка в охотку поела киселя и всласть напилась молока. «Так-то вас, привередниц, голодом учить надо,—говорит река.—Ну, садись под бережок».

Малашечка села под бережок, река прикрыла её зелёным тростником: гуси налетели, покрутились над рекой да с тем и домой полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Гуси летят, меж собой перекликаются, а Малашечка прытче прежнего бежит.

Подбежала она к дикой яблоне. «Матушка яблонька, укрой меня от беды неминучей!» А яблоня ей в ответ: «А поешь моего кислого яблока, может статься, и спрячу».

Принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показалось оно голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву. Прилетели гуси, осмотрели яблоню—нет никого!

С тем к Бабе-Яге и вернулись. Как завидела она их, закричала, затопала: «Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пущу, самих живьём проглочу!»

Испугались гуси, полетели назад. Летят да жалобно друг с дружкой перекликаются: «Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!»

Уже дело к вечеру, дикие гуси всё ближе и ближе, а у девочки-привередницы ножки, ручки устали—еле плетётся.

Видит она—в поле печь стоит. «Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы-Яги».

«То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят. Не привередничать! А пока — поешь моего ржаного хлебца».

С радостью схватила хлеб Малашечка — и ну есть да братца кормить. «Такого хлеба я отроду не видела — словно пряник-коврижка!»

Велела печь Малашечке скоренько влезть в устье да заслоном заслониться. А вокруг печки гуси летают, жалобно друг дружку спрашивают: «Ту-та, ту-та? Ту-та нету!»

Опустились гуси на землю. Что им теперь делать? В избушку воротиться нельзя: хозяйка их живьём съест. «Разве вот что,—сказал вожак,—вернёмся домой, в тёплые земли,— туда Бабе-Яге доступа нет!»

Гуси снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

А Малашечка поблагодарила печь, схватила братца и побежала домой.

Отец с матерью всё село исходили, каждого встречного о детях спрашивали. Никто не знает... Побрели они к лесной опушке.

Тут на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись. Малашечка во всём отцу с матерью повинилась и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать... Как сказала, так и сделала.

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

103 062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30

Д-093-84